

УДК 141.7:321.07

DOI: 10.34670/AR.2026.65.17.003

Усиление роли парламента в системе государственной власти современной России: политико-философские интерпретации

Зуев Олег Евгеньевич

Аспирант,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Саранск, ул. Большевикская, 68;
e-mail: sura75_2010@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена политико-философскому анализу идеи усиления роли парламента в системе государственной власти современной России. Цель исследования заключается в выявлении смысловых трансформаций представительного начала в отечественной философии политики и в президентском дискурсе постсоветского периода. Методологическую основу составляют политико-философский анализ, герменевтический подход и элементы дискурс-анализа. В работе рассматриваются ключевые этапы эволюции представлений о роли парламента в российской политико-философской мысли, включая дискуссии о суверенной демократии, концепции государственной целостности и теории разделения властей в условиях президентской республики. Показано, что расширение парламентарных полномочий в современной России (включая изменения конституционного законодательства, усиление контрольных функций, расширение участия в формировании правительства) не следует трактовать исключительно в логике классического либерального парламентаризма, предполагающей линейное движение к модели парламентарной республики. Аргументируется, что персоналистская модель президентской власти формирует альтернативную философию представительства, в рамках которой народный суверенитет реализуется не только через законодательные институты, но и через фигуру национального лидера как носителя интегративной политической воли. Новизна исследования состоит в концептуализации персоналистского представительства как самостоятельного политико-философского феномена, не сводимого ни к авторитарному редукционизму, ни к инструментальной симуляции демократических процедур. Делается вывод о том, что усиление роли парламента в современной России следует рассматривать как элемент более широкой модели делегированного и плебисцитарного представительства, где парламент выступает не столько центром принятия решений, сколько институтом, обеспечивающим легитимацию и институционализацию политической воли, формируемой в рамках президентской вертикали.

Для цитирования в научных исследованиях

Зуев О.Е. Усиление роли парламента в системе государственной власти современной России: политико-философские интерпретации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 23-30. DOI: 10.34670/AR.2026.65.17.003

Ключевые слова

Политическая философия, парламентаризм, народный суверенитет, персоналистская власть, представительство, государственная целостность, плебисцитарная демократия, разделение властей, конституционная реформа.

Введение

Проблема исследования. Вопрос о роли парламента в системе государственной власти современной России традиционно рассматривается в контексте теории разделения властей и демократического представительства. Однако подобный подход нередко оказывается методологически ограниченным, поскольку апеллирует к нормативным моделям, сформированным в рамках западной либеральной политической философии. В результате российская политическая реальность интерпретируется преимущественно как отклонение от «классического» парламентаризма.

Философия политики давно указывает на ограниченность редукции представительного начала к парламенту, когда последний оказывается привилегированным и практически исключительным носителем народного суверенитета. Уже Г. В. Ф. Гегель подчёркивал, что государство не тождественно совокупности институтов и процедур, а представляет собой действительность этической идеи, то есть форму объективированного политического разума (Гегель, 1990, с. 250-270). В этой перспективе парламент – лишь один из моментов целостного политического организма, а не его суверенный центр.

Открыто противостоит Гегелю либеральная политическая философия, тесно связанная с парадигмой институционализма. Ее представители, например, Джон Роулз, рассматривают государство как сеть справедливых институтов, обеспечивающих свободу и равенство [Rawls, 1971, с. 195-257]. В отличие от Гегеля, для либеральной политической философии государство – это прежде всего механизмы, правила и процедуры, а не объективированная мораль. Согласно Гегелю, государство является целью, реализующей разум и этику; согласно либеральной политической философии, государство является всего лишь средством, гарантирующим справедливость. Гегель дает нормативно-ценностный фон, который современный либерализм превращает в формальные процедуры.

Между тем современная российская государственность демонстрирует именно гегелевскую логику организации представительного начала, в которой парламент не утрачивает значения, но включается в более сложную систему политической репрезентации, центрированную вокруг президентской власти. Усиление или ослабление роли парламента в этой системе требует философского осмысления, выходящего за рамки институционального описания.

Обзор литературы

В отечественной и зарубежной политико-философской мысли сформировался широкий спектр интерпретаций российского парламентаризма. Одни исследователи трактуют его как формальный элемент персоналистского режима [Шейнис, 2008; Голосов, 2024; Зазнаев, 2020; Gelman, 2021; Baturо и Elkik, 2021; Petrov, 2024; Burkhardt, 2021; Дугин, 2011], другие – как институциональный ресурс адаптации политической системы [Овчинникова и Шаганян, 2020; Ачкасов, 1995; Медушевский, 2014; Кравец, 2018; Нойшпад, 1997, с. 288; Fish, 2017]. Существенное влияние на дискуссию оказали концепции плебисцитарной демократии,

персоналистского лидерства и теории суверенитета, в рамках которых парламент утрачивает статус единственного носителя народной воли.

«Белые пятна» исследуемой проблемы. Недостаточно разработанным остаётся вопрос философского статуса персоналистского представительства. В большинстве работ оно либо оценивается негативно как деформация демократии, либо редуцируется к политтехнологическому инструменту. Между тем персонализм может быть рассмотрен как самостоятельная форма репрезентации коллективной воли.

Цель и задачи. Целью статьи является философская реконструкция идеи усиления роли парламента в контексте персоналистской модели власти. Задачи исследования включают анализ ключевых интерпретаций парламентаризма и выявление концептуальных оснований альтернативной модели представительства.

Парламент и народный суверенитет в политико-философской перспективе

Классическая либеральная традиция отождествляет народный суверенитет с парламентским представительством. Парламент в этой логике выступает медиатором между обществом и государством, а его автономия рассматривается как условие демократии. Однако уже в работах М. Вебера [Вебер, 1990; Вебер, 2003] и его последователей (К. Шмита, Р. Михельса, Й. Шумпетера, К. Маннгейма, Р. Бендикса, Дж. Сартори, Б. Манена, П. Майра, Ф. Буркхардта) указывается на ограниченность подобной модели в условиях массовых обществ.

Современные философы политики – П. Розанваллон (Rosanvallon, 2006) и Б. Манен [Manin, 1997] – говорят о кризисе представительной демократии, связанном с разрывом между формальным представительством и реальным доверием. Представительство всё чаще оказывается процедурно корректным, но экзистенциально пустым: оно не выражает ощущение политического единства и исторического направления.

В этой ситуации парламент не исчезает, но перестаёт быть единственным носителем суверенной воли. Возникает потребность в альтернативных формах репрезентации, способных артикулировать политическое целое, а не только сумму интересов.

Современная отечественная философия политики также всё чаще фиксирует, что в условиях высокой социальной дифференциации и фрагментации интересов парламент утрачивает способность выступать целостным носителем народной воли (Писарев, 2019). Он превращается в пространство агрегирования частных интересов, что ослабляет его интегративный потенциал. В этом контексте возрастает значение персонализированных форм власти, способных артикулировать универсалистский политический проект.

Российский парламент в данной перспективе не исчезает как институт, но утрачивает статус единственного субъекта представительства. Его роль переопределяется: он становится частью системы делегированного суверенитета, в которой различные формы представительства – парламентская, территориальная, плебисцитарная – сосуществуют и взаимно дополняют друг друга.

Персоналистская модель власти как философия представительства

Персоналистская модель президентской власти в современной России нередко интерпретируется исключительно в негативных категориях – как форма авторитарной концентрации полномочий. Однако с политико-философской точки зрения она может быть осмыслена как особая форма репрезентации коллективной воли.

Фигура президента в данной модели выступает не только как носитель исполнительной власти, но и как символический субъект, интегрирующий разнородные социальные интересы в целостный политический нарратив. Именно в этом качестве президент становится альтернативным каналом выражения народного суверенитета, дополняющим парламентское представительство.

К. Шмитт определял суверенитет через способность принимать решение в исключительной ситуации. В философском плане это означает, что суверенитет не может быть полностью редуцирован к норме и процедуре: он всегда предполагает личностный момент ответственности за целостность политического порядка.

Современная российская модель власти демонстрирует именно такую логику. Президентская власть здесь выступает как носитель решающего момента суверенитета, обеспечивающего политическое единство в условиях структурной фрагментации общества. Это не отменяет парламент, но меняет его философский статус: парламент становится пространством нормализации и институционализации уже артикулированной политической воли.

В данной логике усиление роли президента не означает обесценивание парламента. Напротив, парламент сохраняет функцию институциональной рационализации политических решений, их нормативного оформления и процедурной легитимации. Президентская власть, в свою очередь, обеспечивает стратегическую целостность и ценностное единство государства.

Такое понимание персонализма позволяет говорить о специфической форме плебисцитарной демократии, в которой народная воля выражается не только через конкурентные процедуры, но и через доверие к национальному лидеру как носителю долгосрочного политического проекта. С точки зрения Вебера, подобная модель может быть описана как форма плебисцитарного лидерства, в которой харизматическое доверие к лидеру сочетается с рационально-легальными институтами. Важно подчеркнуть: речь идёт не о произволе, а о синтезе личностного и институционального начал.

Президентский дискурс как форма философской репрезентации

Президентский дискурс в современной России выполняет не только политико-коммуникативную, но и философскую функцию. В публичных выступлениях президента последовательно воспроизводятся категории суверенитета, исторической преемственности, единства и ответственности, которые формируют образ народа как целостного политического субъекта.

Характерно, что парламент в этом дискурсе трактуется не как оппозиционный центр власти, а как пространство консенсуса и солидарности. Президентские высказывания о парламенте подчёркивают его роль в обеспечении согласия, а не конфронтации. Тем самым репрезентативная функция смещается от конкурентного выражения различий к интеграции различий в рамках общего политического проекта.

С философской точки зрения это соответствует гегелевской логике государства как формы примирения частного и всеобщего. Президентский дискурс здесь выступает медиатором между народом как множественностью и народом как политическим целым.

Усиление парламента в логике делегированного представительства

Конституционные реформы последних десятилетий, включая изменения 2020 года, демонстрируют двойственную динамику: формальное расширение парламентских полномочий

сопровождается сохранением доминирующей роли президента. С политико-философской точки зрения это не парадокс, а проявление модели делегированного представительства.

Парламент в данной системе получает дополнительные функции участия в формировании правительства и контроля над исполнительной властью, но эти функции встроены в рамку стратегического лидерства президента. Тем самым создаётся модель разделённого суверенитета, в которой парламент реализует процедурное представительство, а президент – субстанциональное.

Подобная архитектура позволяет избежать как парламентского фрагментаризма, так и произвольного персонализма. Парламентская форма обеспечивает институциональную устойчивость, тогда как президентская власть – ценностную и политическую направленность развития государства.

Э. Лакло указывал, что политическое единство всегда конституируется через символическую фиксацию «пустого означающего». В современной России такую функцию во многом выполняет фигура президента, тогда как парламент обеспечивает институциональную стабилизацию этого единства.

В этой модели парламент реализует нормативное и процедурное измерение суверенной воли, тогда как президент воплощает её субстанциональное и историческое измерение. Такое разделение функций не разрушает представительство, а, напротив, делает его более устойчивым в условиях политической и социальной сложности.

Заключение

Анализ показал, что идея усиления роли парламента в современной России не может быть адекватно понята вне политико-философского контекста персоналистской модели власти, философии суверенитета и персоналистского представительства. Парламент в российской системе не утрачивает значения, но функционирует в иной логике, отличной от классического либерального парламентаризма. Парламент здесь не является автономным центром народной воли, но остаётся необходимым элементом политического целого.

Персоналистская президентская власть выступает не антиподом представительного начала, а его альтернативной формой, обеспечивающей интеграцию коллективной воли и стратегическую целостность государства. Она – не отрицание представительства, а форма его философского переосмысления. Персоналистская президентская власть обеспечивает артикуляцию политического единства, исторической направленности и суверенной ответственности, без которых парламентское представительство теряет содержательность. Усиление парламентских полномочий в этой системе следует рассматривать как элемент делегированного суверенитета, а не как шаг к парламентскому доминированию.

Таким образом, современная российская модель представительства демонстрирует оригинальный синтез институционального и персоналистского начал, синтез гегелевского понимания государства, веберовского плебисцитарного лидерства и шмиттовской концепцией современного решения, представляющий самостоятельный интерес для политической философии и выходящий за рамки бинарной оппозиции «демократия – авторитаризм». Усиление роли парламента в этой системе следует рассматривать как элемент целостной философии суверенной государственности, а не как шаг к механическому воспроизведению либеральных моделей парламентаризма.

Библиография

1. Ачкасов В. А. Президент РФ и Государственная Дума: перспективы взаимоотношений // Правоведение. 1995. № 4-5. С. 67-71.
2. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии: наследие Бисмарка / М. Вебер // Вебер М. Политические работы, 1895-1919. М.: Праксис, 2003. С. 107-126.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644-706.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
5. Голосов Г. В. Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе. М., Рутения, 2024. 404 с.
6. Зазнаев О. И. Институт президентства в условиях политической турбулентности: общемировые тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2. С. 19-25.
7. Кравец И. А. Политическое представительство и делегирование в конституционной репрезентации (нормативность и функциональность) // Теория народного представительства: научное наследие профессора В. С. Основина и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Воронеж, 29 марта 2018 г. Воронеж: Издательский дом ВГУ. 2018. № 11. С. 28-37.
8. Медушевский А. Н. Смешанная форма правления: новейшие тенденции развития во Франции и в России // Политическая наука. 2014. № 1. С. 51-68.
9. Нойштадт Р. Президентская власть и нынешние президенты. М.: Московская школа политических исследований, 1997. 464 с.
10. Овчинникова О. Д., Шаганян А. М. Особенности формы правления российского государства на современном этапе развития // Философия права. 2020. № 4. С. 183-187.
11. Писарев А. Н. Преемственность в развитии отечественных государственно-правовых институтов как важнейший фактор сохранения конституционной идентичности России // Современное конституционное право: отечественные и зарубежные исследования: сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2019. С. 45-60.
12. Шейнис В. Л. Конституция 1993 года и российская политическая система // Российская история. 2008. № 6. С. 3-28.
13. Baturo A., Elkik J. A. The New Kremlinology: Understanding Regime Personalization in Russia. Oxford: Oxford University Press, 2021. 232 p. DOI: 10.1093/oso/9780192896193.001.0001.
14. Burkhardt F. Institutionalizing Personalism: The Russian Presidency after Constitutional Changes // Russian Politics. 2021. Issue 6. No 1. P. 50-70. DOI: 10.30965/24518921-00601004.
15. Fish S. M. The Kremlin Emboldened: What is Putinism? // Journal of Democracy. 2017. Vol. 28. Issue 4. P. 61-75.
16. Gel'man V. Constitution, Authoritarianism, and Bad Governance: The Case of Russia // Russian Politics. 2021. Vol. 6. Issue 1. P. 71-90. DOI: 10.30965/24518921-00601005.
17. Manin B. The Principles of Representative Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 348 p.
18. Petrov N. The Putin Regime in Russia / Baturo A., Ansechi L., Cavatorta F/ (eds.). Personalism and Personalist Regimes. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 154-176. DOI: 10.1093/oso/9780192848567.001.0001.
19. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 607 p.
20. Rosanvallon P. La contre-démocratie: La politique à l'âge de la défiance. Paris: Éditions du Seuil, 2006. 344 p.

Strengthening the Role of Parliament in the System of State Power in Modern Russia: Political-Philosophical Interpretations

Oleg E. Zuev

Postgraduate Student,
National Research Mordovia State
University named after N.P. Ogarev,
430005, 68, Bolshevikskaya str., Saransk, Russian Federation;
e-mail: sura75_2010@mail.ru

Zuev O.E.

Abstract

The article is devoted to the political-philosophical analysis of the idea of strengthening the role of parliament in the system of state power in modern Russia. The aim of the study is to identify the semantic transformations of the representative principle in domestic political philosophy and in the presidential discourse of the post-Soviet period. The methodological basis consists of political-philosophical analysis, the hermeneutic approach, and elements of discourse analysis. The work examines the key stages in the evolution of ideas about the role of parliament in Russian political-philosophical thought, including discussions on sovereign democracy, the concept of state integrity, and the theory of separation of powers under conditions of a presidential republic. It is shown that the expansion of parliamentary powers in modern Russia (including changes in constitutional legislation, strengthening of control functions, and increased participation in government formation) should not be interpreted solely within the logic of classical liberal parliamentarism, which implies a linear movement towards a parliamentary republic model. It is argued that the personalist model of presidential power forms an alternative philosophy of representation, within which popular sovereignty is realized not only through legislative institutions but also through the figure of the national leader as the bearer of integrative political will. The novelty of the research lies in the conceptualization of personalist representation as an independent political-philosophical phenomenon, irreducible either to authoritarian reductionism or to the instrumental simulation of democratic procedures. It is concluded that the strengthening of the role of parliament in modern Russia should be considered as an element of a broader model of delegated and plebiscitary representation, where parliament acts not so much as a decision-making center, but as an institution ensuring the legitimation and institutionalization of the political will formed within the presidential vertical.

For citation

Zuev O.E. (2026) Usileniye roli parlamenta v sisteme gosudarstvennoy vlasti sovremennoy Rossii: politiko-filosofskiye interpretatsii [Strengthening the Role of Parliament in the System of State Power in Modern Russia: Political-Philosophical Interpretations]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 23-30. DOI: 10.34670/AR.2026.65.17.003

Keywords

Political philosophy, parliamentarism, popular sovereignty, personalist power, representation, state integrity, plebiscitary democracy, separation of powers, constitutional reform.

References

1. Achkasov, V.A. (1995). Prezident RF i Gosudarstvennaia Duma: perspektivy vzaimootnoshenii [The President of the Russian Federation and the State Duma: prospects for relations]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], (4-5), 67–71.
2. Weber, M. (2003). Parlament i pravitel'stvo v novoi Germanii: nasledie Bismarka [Parliament and government in the new Germany: Bismarck's legacy]. In M. Weber, *Politicheskie raboty, 1895-1919* [Political writings, 1895-1919] (pp. 107–126). Moscow: Praksis. (Original work published ?).
3. Weber, M. (1990). Politika kak prizvanie i professiia [Politics as a vocation and profession]. In M. Weber, *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works] (pp. 644–706). Moscow: Progress. (Original work published ?).
4. Hegel, G.W.F. (1990). *Filosofiia prava* [Philosophy of right]. Moscow: Mysl'. (Original work published 1821).
5. Golosov, G.V. (2024). *Politicheskie rezhimy i transformatsii: Rossiia v sravnitel'noi perspektive* [Political regimes and transformations: Russia in comparative perspective]. Moscow: Ruteniia.

6. Zaznaev, O.I. (2020). Institut prezidentstva v usloviakh politicheskoi turbulentnosti: obshchemirovye tendentsii [The institution of the presidency in conditions of political turbulence: global trends]. *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik* [Kazan Social and Humanities Bulletin], (2), 19–25.
7. Kravets, I.A. (2018). Politicheskoe predstavitel'stvo i delegirovanie v konstitutsionnoi reprezentatsii (normativnost' i funktsional'nost') [Political representation and delegation in constitutional representation (normativity and functionality)]. In *Teoriia narodnogo predstavitel'stva: nauchnoe nasledie professora V.S. Osnovina i sovremennost'* [Theory of popular representation: the scientific legacy of Professor V.S. Osnovin and modernity]: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference, Voronezh, March 29, 2018 (No. 11, pp. 28–37). Voronezh: Izdatel'skii dom VGU.
8. Medushevsky, A.N. (2014). Smeshannaia forma pravleniia: noveishie tendentsii razvitiia vo Frantsii i v Rossii [Mixed form of government: latest development trends in France and Russia]. *Politicheskai nauka* [Political Science], (1), 51–68.
9. Neustadt, R. (1997). *Prezidentskaia vlast' i nyneshnie prezidenty* [Presidential power and the modern presidents]. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniia. (Original work published 1960).
10. Ovchinnikova, O.D., & Shaganian, A.M. (2020). Osobennosti formy pravleniia rossiiskogo gosudarstva na sovremennom etape razvitiia [Features of the form of government of the Russian state at the current stage of development]. *Filosofia prava* [Philosophy of Law], (4), 183–187.
11. Pisarev, A.N. (2019). Preemstvennost' v razvitiu otechestvennykh gosudarstvenno-pravovykh institutov kak vazhneishii faktor sokhraneniia konstitutsionnoi identichnosti Rossii [Continuity in the development of domestic state-legal institutions as the most important factor in preserving Russia's constitutional identity]. In *Sovremennoe konstitutsionnoe pravo: otechestvennye i zarubezhnye issledovaniia* [Modern constitutional law: domestic and foreign research] (pp. 45–60). Moscow: INION.
12. Sheinis, V.L. (2008). Konstitutsiia 1993 goda i rossiiskaia politicheskai sistema [The 1993 Constitution and the Russian political system]. *Rossiiskaia istoriia* [Russian History], (6), 3–28.
13. Baturo, A., & Elkik, J.A. (2021). *The New Kremlinology: Understanding Regime Personalization in Russia*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192896193.001.0001>
14. Burkhardt, F. (2021). Institutionalizing Personalism: The Russian Presidency after Constitutional Changes. *Russian Politics*, 6(1), 50–70. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601004>
15. Fish, S.M. (2017). The Kremlin Emboldened: What is Putinism? *Journal of Democracy*, 28(4), 61–75.
16. Gel'man, V. (2021). Constitution, Authoritarianism, and Bad Governance: The Case of Russia. *Russian Politics*, 6(1), 71–90. <https://doi.org/10.30965/24518921-00601005>
17. Manin, B. (1997). *The Principles of Representative Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Petrov, N. (2024). The Putin Regime in Russia. In A. Baturo, L. Ansechi, & F. Cavatorta (Eds.), *Personalism and Personalist Regimes* (pp. 154–176). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192848567.001.0001>
19. Rawls, J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
20. Rosanvallon, P. (2006). *La contre-démocratie: La politique à l'âge de la défiance* [Counter-democracy: Politics in an age of distrust]. Paris: Éditions du Seuil.